Тридцатый год эры Чанлун (1). Зима.

Простолюдины династии Цзинь испытывали невероятную радость. В течение многих лет великое государство Цзинь имело противоречивые взгляды с соседним народом страны Цзиньпо. На этот раз их генерал-защитник (2) не только почти довёл армию страны Цзиньпо до плачевного состояния, но даже захватил с поля боя их храброго и опытного в военном деле второго принца. Такие действия вынудили другую нацию отказаться от земли и капитулировать, став их вассальным государством. Практически все члены династии Цзинь воспряли духом от этого великого свершения, даже их шаги казались лёгкими.

На мгновение в глазах простолюдинов генерал-защитник превратился в У Цюй Сина (3), спустившегося в царство смертных. Три его сына также были реинкарнациями небесных генералов (4). Поскольку нынешний Император был умён и обладал хорошим зрением, а также светился энергией и здоровьем, он был мудрым монархом, редко встречающимся в истории. Таким образом, генерал-защитник намеренно спустился в царство смертных, чтобы помочь этому мудрому Императору. Чтобы помочь великому государству Цзинь процветать. И теперь народы со всей округи приходили платить дань.

Что бы ни говорили простолюдины, всё сводилось к том, что Император был очень мудр, а генерал Хуа и его семья – очень доблестны.

В этот момент генерал Хуа и его семья находились в нескольких сотнях ли (5) от столичной почтовой станции (6). Чтобы отпраздновать великую победу великого государства Цзинь, чиновник, заведующий этой почтовой станцией, нарочно повесил у ворот два красных фонаря. Однако в последние дни шёл сильный снег, и мало кто из чиновников приезжал сюда погостить. Поэтому мало кто мог оценить его намерение.

Чиновник, заведующий почтовой станцией, держа в руках тарелку с жареными бобами, сидел на корточках у двери и тупо смотрел на снег во дворе. Холодный порыв ветра привёл его растрёпанную бороду в ещё больший беспорядок.

С губ мужчины сорвался вздох. Затем к нему подошёл чиновник-инспектор (7) и сказал с горьким выражением лица:

– Кто знает, когда эти люди, оставшиеся здесь, уйдут?

На этот раз преступник, которого послали сюда, оказался высокопоставленным чиновником. Тот, кто совершил преступление в столице. Ещё до того, как он прибыл, кто-то уже пришёл предупредить их, чтобы они не пренебрегали этим человеком. Как чиновник, отвечающий за почтовую станцию, он мог только охранять это место каждый день, чтобы с этим высокопоставленным чиновником ничего не случилось.

Эти высокопоставленные чиновники будут изгнаны в течение одного года, а затем их официальные должности будут восстановлены на следующий год. Одна сторона хотела устроить репрессии, другая – защитить этих людей. Не повезло этим чиновникам низкого

ранга, которые не могли никого унизить.

– Он уже осуждённый преступник. Зачем он важничает? Лао цзы (8) не хочет прислуживать ему, – Чиновник выплюнул бобовую шелуху на заснеженную землю. – Он вообще не знает, как остановиться.

Как только эти слова слетели с его губ, он заметил запряжённый лошадьми экипаж на главной дороге (9), далеко в конце. Один взгляд – и мужчина понял, что тот принадлежит влиятельным людям.

Почтмейстер протянул инспектору тарелку с жареными бобами. Похлопал себя по изношенной верхней одежде, приветливая улыбка растянулась на его лице.

Инспектор закатил глаза. После того, как он сказал, что не будет служить им, чиновник почтовой станции стал тем, кто выслуживался, как только он увидел влиятельных шишек.

Что за божественный конь тащил карету, оставалось только гадать. Он мог даже передвигаться по снегу, четыре копыта были устойчивыми и твёрдыми, смелыми и сильными до крайности. Гвардейцы, одетые в солдатские одежды, окружили экипаж, их взгляды были яркими и выразительными. Они совершенно отличались от тех гарнизонных войск в городе. Как будто они уже были на поле боя и видели кровь раньше.

Инспектор понял, что личности этих путешественников не были простыми. Он поспешил поставить тарелку с жареными бобами на подоконник, затем подошёл поприветствовать их, изобразив на лице льстивую улыбку, как это делал почтмейстер.

На втором этаже кто-то медленно приоткрыл деревянную дверь, явив пару глаз из потайного места.

– Члены семьи Хуа наконец-то здесь.

– Это… может начаться.

Как только карета остановилась перед зданием почты, почтмейстер вышел вперёд и поклонился, держа руки перед собой и улыбаясь во все тридцать два зуба.

– Этот скромный чиновник – чиновник почтовой станции. Откуда взялись эти благородные особы?

– Мы прибыли из провинции Цинхань, – сказал высокопоставленный военный офицер, возглавлявший группу. Он достал из кармана пачку проездных документов. – Мы сопровождаем членов семьи генерала Хуа в столицу.

– Так это и есть члены семьи генерала Хуа?! – почтмейстер почтительно вернул документы высокопоставленному военному офицеру. – Пусть благородные особы быстрее войдут.

Занавеска в передней карете сдвинулась. Почтмейстер опустил голову, не смея взглянуть прямо на благородных особ.

Он видел только, как поднялся угол занавеса, и углядел пару сапог из оленьей кожи, которые, казалось, никогда не соприкасались с пылью. Ярко-красный плащ покачивался на ветру, давая возможность разглядеть то, что находилось под ним: белоснежное парчовое платье с вышитыми красными цветами сливы.

Хуа Лю Ли вышла из кареты, оглядывая ветхое и старое здание почтовой станции, стоявшее перед ней. После минутного молчания девушка повернулась, чтобы вернуться к своему экипажу.

– Я думаю, что лучше продолжить наше путешествие в спешке.

Момо (10), давно привыкшая к её придирчивости, посоветовала со своим обычным выражением лица:

– Принцесса (11), следующая почтовая станция находится почти в пятидесяти километрах отсюда. Снег на дороге ещё не растаял. Здесь даже негде принять ванну. Ваше почтовой станциинное "Я" должно тщательно подумать, прежде чем действовать.

Хуа Лю Ли нахмурила свои приятные глазу брови, желая закрыть занавес и покинуть это место. Она повернула голову и заметила, что холодный ветер и снег окрасили носы офицеров. С выражением неудовольствия на лице девушка сказала:

– Мы останемся здесь на ночь и уедем завтра.

Момо бросила почтмейстеру несколько серебряных монет.

– Приготовь ещё горячей воды.

– Да, – ответил почтмейстер, улыбаясь. Он любил таких великодушных благородных особ, меньше беспокойства, чем с тем чиновником, который совершил преступление и в настоящее время находился под стражей на втором этаже.

Хуа Чан Кун, который только что слез с лошади, заметил, что его младшая сестра пытается спрыгнуть с экипажа с напряжённым выражением лица. Без промедления он подошёл к ней и поддержал.

– Младшая сестра, будь осторожна. Медленнее. Земля покрыта снегом. Как насчёт того, чтобы старший брат поддержал тебя, пока ты не войдёшь внутрь?

Момо наблюдала за этим зрелищем с обычным выражением лица. За каждым гедонистическим сыном богатых семей стоял глава семейства, который без конца баловал своих детей. Семья генерала Хуа была великолепна во всех отношениях, за исключением того, что они избаловали свою единственную дочь до неузнаваемости.

После того, как она сделает два шага, они будут бояться, что девушка устанет; после того, как ветер немного подует на неё, они будут бояться, что девушка простудится. Они не могли даже сказать ей грубых слов, боясь, что напугают свою дочь. Она была драгоценной любимицей этой семьи генерала, но на самом деле была воспитана в брезгливого и суетливого человека.

– Не нужно, – сказала Хуа Лю Ли, качая головой. Затем она сошла на землю. Девушка поправила свой плащ, опираясь на руку Хуа Чан Куна, когда вошла в переднюю дверь почтового отделения. Здесь не было никакого процветания, так как не хватало денег, чтобы отремонтировать почтовую станцию. И внутри было очень темно. Она немного беспокоилась, что снег будет слишком сильным, что, в свою очередь, приведёт к тому, что крыша этого ветхого здания рухнет от его веса.

– Пусть благородные особы сядут, – почтмейстер вытер табуретку рукавом, взглянув на двух благородных особ с улыбкой, полной намерения выслужиться. Изумление обрушилось на его фигуру при одном взгляде на новых постояльцев.

Оказалось, что члены семьи генерала Хуа были прекрасны, особенно эта молодая леди, которая казалась хрупкой. Она была привлекательна, как небесная фея.

Хуа Лю Ли посмотрела на тёмный табурет. Из какого дерева он был сделан, оставалось загадкой. Отказавшись сесть, она потянулась, чтобы опустить капюшон плаща, подняла голову и посмотрела на лестницу.

По лестнице, не торопясь, спустился худой человек в кандалах. Его волосы и борода были усыпаны белыми прядями. На вид ему было лет пятьдесят-шестьдесят, и лицо его выражало горечь и недовольство. За спиной этого старика шёл ямэньский (12) пристав, наблюдавший за ним, который особенно почтительно к нему относился.

Когда старик спускался по лестнице, цепи у его ног загремели от движения.

Поняв, что на почтовой станции стало ещё больше народу, старик остановился как вкопанный. Он обвёл взглядом собравшихся в комнате людей и медленно отвёл глаза.

Несколько ямэньских судебных приставов не знали, что это брат и сестра клана Хуа. Однако они сложили ладони в знак приветствия, чтобы не оскорблять благородных особ.

Хуа Лю Ли отвела взгляд от старика и спросила:

– Какое преступление совершил этот господин, что требуется надевать на него столь тяжёлые кандалы?

Ямэньский пристав, возглавлявший группу, заметил, что вопрос, заданный этой знатной дамой, был вполне естественным. Как будто ей и в голову не приходило, что они могут отказаться отвечать.

– Этот подлый чиновник пытался объявить импичмент генералу Хуа в суде за милитаризм и заявил, что высокопоставленные военные офицеры на границе кровожадны по своей природе. Его слова разгневали Его Величество, и он был сослан в наказание. Если благородные особы дошли до того, чтобы говорить об этом, мы можем изменить его оковы на более лёгкие…

– Не нужно, – мгновенно ответила Хуа Лю Ли. – Я нахожу это замечательным.

Ямэньский судебный пристав лишился дара речи.

Старик повернулся и посмотрел на Хуа Лю Ли. Безразличным тоном он сказал:

– В таком юном возрасте её сердце уже настолько порочно. Сегодня лао фу (13) постигло несчастье. Наконец-то я убедился в непостоянстве человеческой натуры.

– Это не имеет значения. Вы не только увидите это, но и постепенно привыкнете к нему, – на губах Хуа Лю Ли расцвела улыбка. – В конце концов, такие люди, как Вы, которые бьют в спину офицеров и солдат, не будут иметь хорошего результата.

Чтобы защитить границы Великого государства Цзинь, военачальники проливали свою кровь и жертвовали своими жизнями. Если бы слова этого чиновника дошли до их ушей, разве они не были бы горько разочарованы?

– Как чиновник, лао фу, естественно, клянётся в верности и преданности трону и молится за народ. Хуа Ин Тин ведёт кампании повсюду, истощая богатства простого народа.

– Генерал Хуа защищает границы ради простых людей. И вот теперь он одержал великую победу над страной Цзиньпо, установив мир на нашей границе. И всё же такие поступки в Ваших устах превращаются в милитаризм, – Хуа Лю Ли выгнула бровь. – У Вас ведь нет психического заболевания? Страна Цзиньпо круглый год сеяла смуту на наших границах. Если бы мы не воевали против них, не говорите мне, что мы должны дать им полную свободу действий? Вы живёте в процветающей столице. Естественно, Вы не знаете, какие страдания приходится испытывать от грабежей и преследований вражеских солдат страны Цзиньпо. Вы говорите, что защищаете народ, но не считаете простолюдинов на границе людьми. Как Вы вообще это называете?

– Это называется "бойко говорить о человечности, справедливости и морали", – сказал Хуа Чан Кун, широко улыбаясь. – Патриотичный и преданный трону? На самом деле, весь Ваш живот полон лицемерия. Вы наслаждаетесь жизнью, полной удовольствий и комфорта. Лицемер.

– Лао фу, лао фу… – услышав слова двух подростков, он побледнел и на какое-то время почувствовал, как перехватило дыхание. – Вы, представители молодого поколения, несёте чушь.

– У Вас, представителя старшего поколения, затуманенное зрение, Вы совершенно бестолковы, – сразу же ответил стражник, стоявший позади пары брата и сестры клана Хуа. В такой ситуации, когда один должен ругать другого, молодой господин и юная леди не должны были действовать лично.

* * *

Признаки активности на нижнем этаже были, наконец, обнаружены с верхнего этажа. Мужчина в комнате изобразил довольное выражение лица. Он повернул голову и посмотрел на человека, который пролез в окно.

– Ты уже применил яд?

– Да. Он бесцветный и безвкусный, и убьёт сразу же. Гарантируется, что причина смерти не может быть установлена.

Первый мужчина улыбнулся.

– Гражданский чиновник, который объявил импичмент клану Хуа, в настоящее время ссорится с молодым поколением клана Хуа. Если он умрёт странной смертью, кто знает, как отреагируют гражданские чиновники Великого Цзиня?

– Когда подстрелены все птицы, лук становится не нужен (14). Клан Хуа накопил так много выдающихся военных заслуг. Можно было бы опасаться, что те, кто хочет иметь с ними дело больше всего, не являются гражданскими чиновниками, но…

С древних времён число генералов, к которым Императоры относились с подозрением и завистью, было не меньше числа звёзд на небе. Прибавление клана Хуа не могло считаться чем-то особенным.

* * *

Хотя перо литератора оказалось мощным, что касается способности использовать рот, чтобы ругать других, такой литератор не мог сравниться с солдатом, который испытал поле боя. Пройдя несколько шагов назад и вперёд, старый чиновник кипел от гнева, с полным ртом

обзывая их невежественными простаками.

Тем временем повар вынес посуду в гостиную. В тот момент, когда он увидел, что две стороны столкнулись, слова "В-время есть?" слетели с его губ. Затем он отпрянул назад.

– Время есть? – Хуа Лю Ли посмотрела на еду, которую принёс повар. Там было мясо и овощи. Похоже, с этим гражданским чиновником, который совершил преступление, объявив импичмент её отцу, обращались хорошо, гораздо лучше, чем с солдатами, охраняющими границы.

Она тут же вытащила носовой платок и прикрыла им рот и нос. И она сделала вид, что отступает назад.

– Боже мой, у меня болит голова. Юань Вэй, я не выношу запаха мяса (15). Быстро переверни посуду.

– Да, принцесса, – сказала единственная служанка позади Хуа Лю Ли, делая шаг вперёд. Без малейшего колебания она опрокинула тарелки с едой, её движения были плавными и лёгкими, отчего девушка казалась храброй и грозной.

Тарелки упали на землю. Внезапно вся комната наполнилась запахом еды.

– Вот это хорошо, – Хуа Лю Ли изобразила довольное выражение лица. Она попросила Юань Вэй дать повару слиток серебра. – Приготовьте новую еду для пожилого человека. Не забывайте добавлять мясо.

– Да, благородная леди, – после того как повар получил серебро, он вернулся на кухню. Что бы ни говорили люди, которые давали деньги, они были правы.

Не произнеся ни слова, почтмейстер смахнул еду с пола, бросив её на заснеженную землю снаружи. Он сделал вид, что не заметил намеренного возмездия этой молодой леди.

– Что всё это значит? – старик был так зол, что у него тряслись руки.

– Использую своё положение, чтобы запугивать людей и пинать их, когда они падают, – улыбка Хуа Лю Ли была сладкой. – Как человек, совершивший крупное преступление, почему Вы до сих пор едите мясо? Обычные люди на границе не могут есть мясо даже дважды в месяц. Для народа и нации вполне естественно делиться жизненными радостями и горестями с простыми людьми, сэр.

Жалкий чиновник в конце концов потерял сознание от гнева из-за Хуа Лю Ли.

* * *

Долгое время человек на втором этаже не слышал никакой активности внизу. Улыбка на его лице постепенно исчезла.

– Что случилось? Почему Линь Хуэй Чжи всё ещё жив?

– Служанка клана Хуа опрокинула эти отравленные блюда.

– Что… ты сказал?

Они потратили много усилий, вычислили бесчисленное множество мест, где эти две стороны могли столкнуться друг с другом, и намеренно устроили так много случайных препятствий на пути. Просто чтобы обе стороны могли встретиться в этом месте. Но теперь этот человек сказал ему, что вся их работа была напрасной?!

---

1. Эра Чанлуна (□□) – это знаменует собой царствование нынешнего Императора. Его титул Чанлун, поэтому он Император Чанлун.

2. Генерал-защитник (□□) – значит, помощь стране. Этот титул – очень большая честь.

3. У Цюй Син (□□) – Легендарное божество битвы. Также используется для описания прославленных воинов.

4. Реинкарнация небесных генералов – естественно, это образное выражение, которое говорит, что дети не уступали в искусству битвы их отцу.

5. Ли – китайская миля, является традиционной китайской единицей измерения. Она эквивалентна половине километра.

6. Анлейтер решил оставить слово "почта", но здесь ближе почтовая станция. В прошлом почтовые станции служили не только для переправки писем и посылок, но и часто выступали в роли придорожных трактиров, которыми чаще всего пользовались государственные лица.

7. Чиновник-инспектор (□□) – это не гражданская официальная позиция. Они знают боевые искусства.

8. Лао цзы – нелеизм, очень высокомерное обращение к самому себе, которое можно перевести, как "этот отец".

9. Главная дорога (□□) – это путь, который правительство прокладывает для чиновников, но и гражданские тоже могут им воспользоваться. Если им пользуется чиновник, гражданские должны уступить дорогу. Он также обычно шире, чем другие пути.

10. Момо – это старые или старшие служанки, часто сопровождающие ребёнка с грудничкового периода и выступающие их кормилицами, но все эти варианты зависят от контекста.

11. Здесь было сокращено до принцессы, чтобы сохранить живость диалога, но вообще-то, девушка является принцессой графства (или принцесса четвёртого ранга). Обратите внимания, что она не является принцессой крови, просто её отец, за заслуги перед Империей и Императором, получил звание принца второго ранга, а его дочь стала принцессой четвёртого ранга, соответственно.

12. Ямэнь – администрация или резиденция местного управляющего чиновника в Императорском Китае.

13. Лао фу – нелеизм, которым о себе говорят пожилые люди, можно перевести как "этот старик".

14. Как только птицы улетают, лук становится не нужен (□□□□□□) – идиома, которая означает, что как только кто-то станет бесполезен, от него избавятся.

15. Конечно, она на самом деле может не испытывать неприязни к запаху мяса, но здесь девушка старается показать своё презрение к тому, что гражданский чиновник, оскорбляющий военных, ест мясо. В Древнем Китае мясо было достать очень сложно. Его ели только богатые люди, а большинство людей и, тем более, солдат, довольствовались вегетарианской пищей.

http://tl.rulate.ru/book/49413/1289745